

КИТАЙСКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ПРОЗА

В ПЕРЕВОДАХ
АКАДЕМИКА
В. М. АЛЕКСЕЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА
1958

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Л. Э. Эйдалин

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящей книге собрана часть переводов китайской классической прозы, входящих в наследие, оставленное выдающимся советским китаистом академиком В. М. Алексеевым и ждущих своего полного опубликования.

Василий Михайлович Алексеев родился 2 (14) января 1881 г. в Петербурге в бедной семье мелкого заводского служащего.

Научная деятельность В. М. Алексеева началась сразу же после окончания им в 1902 г. С.-Петербургского университета.

В. М. Алексеев застал еще на кафедре университета крупнейшего русского китаиста академика В. П. Васильева, слушал также лекции профессоров Д. А. Пещурова и А. О. Ивановского, одного из талантливых представителей русской китаистики. У последнего В. М. Алексеев учился также маньчжурскому языку, а у А. М. Позднеева и В. Л. Котвича — монгольскому.

В. М. Алексеев по окончании университета был послан за границу и имел возможность

отметить впоследствии, что «постановка этого дела (т. е. изучения китайского языка) в Англии и во Франции заставляет невольно обратить взоры на факультет восточных языков С.-Петербургского университета как на образцовую школу востоковедов, которые должны уже по выходе из университета быть готовыми к научным операциям и черпать знания, необходимые для бодрой научной работы в последующих стадиях изучения ими языка и страны»¹. Таким образом, В. М. Алексеев по выходе из университета был уже несколько подготовлен к избранной им научной деятельности и, будучи оставлен при университете «для подготовки к профессорскому званию», сразу же приступил к работе в Азиатском музее Академии наук (ныне Институт востоковедения АН СССР) и в Эрмитаже. В Азиатском музее он обрабатывал китайские фонды и составлял списки китайских книг, в Эрмитаже занимался обследованием дальневосточных нумизматических коллекций, результатом чего явился целый ряд подробных описаний китайских и японских монет.

Тщательное исследование китайского текста, бережное и в то же время критическое отношение

¹ В. М. Алексеев. Заметки об изучении Китая в Англии, Франции и Германии. СПб., 1906.

к нему, отличавшее русскую школу Китаистов, возглавлявшуюся до 1900 г. академиком В. П. Васильевым, оказало свое влияние на В. М. Алексеева и сразу выделило его среди слушателей выдающегося французского синологической первой четверти XX века Э. Шаванна и других профессоров, с которыми В. М. Алексеев знакомился в течение своего пребывания за границей в 1905—1906 гг.

Уже сложившимся Китаистом В. М. Алексеев был командирован в Китай, где с октября 1906 по октябрь 1909 г. изучал китайский фольклор, народное искусство и китайскую литературу, а также занимался вопросами фонетики китайского языка. К этому же времени относится его участие в археологической экспедиции Шаванна в Северный Китай и путешествие по крупнейшим городам Центрального и Южного Китая. Сохранился представляющий большую научную ценность дневник В. М. Алексеева, в котором он описывает свое путешествие с Шаванном и высказывает ряд весьма интересных, прогрессивных взглядов на жизнь и культуру китайского народа. За эти годы В. М. Алексеев напечатал несколько статей преимущественно описательно-исследовательского характера (списки китайских книг в Азиатском музее, описание китайских и японских монет, находящихся в Эрмитаже, и т. д.). Среди этих работ следует выделить «Заметки об изучении Китая

в Англии, Франции и Германии», изданные в 1906 г.

В 1910 г. В. М. Алексеев получил возможность преподавать синологию в С.-Петербургском университете. Назначенный приват-доцентом университета, он энергично работал над разными проблемами китайского языка и китайской литературы, связанными с их преподаванием. В то же время им была составлена и литографирована «Китайская фонетическая хрестоматия». Основным материалом для хрестоматии послужили тексты разговорного переложения повестей знаменитого китайского писателя XVII в. Цу-Сун-лина (Ляо Чжэя). Это было как бы вступлением к той огромной работе над творчеством Ляо Чжэя, которую в дальнейшем проделал В. М. Алексеев, опубликовавший четыре тома своих переводов произведений этого популярного китайского писателя. Впервые в том же году В. М. Алексеев изпечатал две повести Ляо Чжэя, изданные тогда в переводе на белорусский язык, положив тем самым начало своей плодотворной переводческой деятельности.

Наряду с работами по китайскому языку и новыми учебными материалами («Китайские тексты к лекциям» 1912 г.) В. М. Алексеев печатал также статьи, посвященные древней и современной ему китайской культуре. В 1911 г. вывел в свет его перевод «Стихотворений в прозе поэта Ли Бо.

8

V. M. Alexeev

воспевающих природу», чрезвычайно интересный во многих отношениях: филологическая точность сочетается в нем с высокой художественностью, и можно утверждать, что подобный перевод в синологии был представлен впервые. Занятия китайским языком, литературой и преподавательскую деятельность В. М. Алексеев совмещал с изучением китайского фольклора и собиранием фольклорных материалов в основных центрах Южного Китая — Амое, Нинбо, Фучжоу, Сватоу и Кантоне.

В 1913 г. В. М. Алексеев был назначен на учрежденную тогда штатную должность младшего ученого хранителя Азиатского музея Академии наук. Здесь он развил кипучую деятельность по приобретению китайских книг для Азиатского музея. Новый китайский фонд музея составлен В. М. Алексеевым; большая часть карточек и каталогов китайских фондов Азиатского музея и университета написана рукой В. М. Алексеева.

Время работы в Азиатском музее было также и временем подготовки В. М. Алексеева к магистерской диссертации. Большое количество народных картин, собранных В. М. Алексеевым в Китае, было исследовано и описано им в работе «Китайская народная картина». Эта в основном законченная работа не была, однако, опубликована,

В качестве магистерской диссертации В. М. Алексеев в 1916 г. представил исследование «Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту». Сыкун Ту — поэт конца танской эпохи, когда в поэзии, с одной стороны, наблюдалось эпигонство, слепое подражание таким блестящим образцам, как Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзюй-и и др., с другой стороны — подытоживание величайших поэтических достижений. «Поэма о поэте» Сыкун Ту представляет собою танскую поэтику и дает в поэтической форме и образах-терминах как бы исследование существа предшествующей китайской поэзии. Этот очень сложный, в большой степени философский текст был уже до В. М. Алексеева переведен известным английским синологом Гербертом Джайлсом и помещен в его «Истории китайской литературы». Молодому русскому ученому предстояло доказать преимущества своего перевода и созданного им метода работы. Книга В. М. Алексеева целиком и полностью аннулировала перевод Джайлса, показав его несостоятельность. В. М. Алексеев привлек и критически воспринял китайские комментарии и обогатил перевод огромным количеством китайских, главным образом поэтических, текстов, собранных и переведенных им. Наряду с этим анализом «Поэмы о поэте» мы находим у В. М. Алексеева также множество сведений и рассуждений о других китай-

ских писателях. В своей работе он обнаружил исключительное практическое и теоретическое знание китайского языка, широту охвата материала, умение критически подойти к самому запутанному тексту, самостоятельность мышления, выразившуюся в отсутствии боязни «авторитетов», каким, в частности, был для того времени Джайлс. Надо отметить, что в работе была сделана попытка осветить зависимость творчества Сыкун Ту от тех общественных условий, в которых он жил.

Это фундаментальное филологическое исследование В. М. Алексеева было первым трудом такого рода в синологической литературе. Непосредственно вслед за ним была опубликована в 1917 г. небольшая по размерам, но весьма важная статья В. М. Алексеева «Об определении китайской «литературы» и об очередных задачах ее историка». В ней был поставлен вопрос о необходимости выработки ясного критерия для самого слова и понятия «литература» в китайской литературе, о необходимости перехода от случайных занятий литературой миссионеров типа Легга или любителей в науке типа Джайлса к «научному изучению истории китайской литературы». Под научным изучением В. М. Алексеев понимал установление связи творчества писателя с общественными условиями, определение миросозерцания изучаемого им художника и основ его творчества

для дальнейшего исследования. Эта работа может также считаться весьма значительной по своему направлению. От любительского случайного описания делается поворот в сторону планомерного изучения китайской литературы.

Великая Октябрьская социалистическая революция расширила сферу деятельности ученого. С новым контингентом студенчества появились и новые востоковедные курсы в различных учебных заведениях, и В. М. Алексеев, наряду со своей научной работой, стал уделять все больше времени преподаванию. В. М. Алексеев работал старшим ученым хранителем Азиатского музея, где продолжал организацию и описание китаеведных фондов; тогда же, в 1918 году, он был избран профессором по кафедре китайской филологии на филологическом отделении факультета общественных наук Петроградского университета, на которой с 1910 г. уже работал в качестве приват-доцента. В эти годы В. М. Алексеев чрезвычайно интенсивно трудился во многих областях. Он опубликовал большое исследование о китайском фольклоре — «Бессмертные двойники и даос с золотой жабой в свите бога богатства» (1918), труды по археологии — «Судьба китайской археологии» (1924), «Вид китайской древней книги» (1925), а также работы по китайскому театру — «Китайская сцена» (1923) и др. В основе каждой

работы В. М. Алексеева неизменно лежал китайский текст, на котором и строилось исследование.

Больше всего внимания уделял В. М. Алексеев изучению китайской литературы. С 1922 по 1925 г. он был членом редколлегии и деятельнейшим сотрудником журнала «Восток», а также членом «коллегии экспертов» издательства «Всемирная литература», организованного А. М. Горьким. Под редакцией и при непосредственном участии В. М. Алексеева вышла «Антология китайской лирики» (1923), а в журнале «Восток» он напечатал очень интересные переводы «Древнего» и некоторых четверостиший Ли Бо.

В 1922 и 1923 гг. В. М. Алексеев опубликовал два сборника повестей Ляо Чжая — «Лисьи чары» и «Монахи-волшебники». Интересно, что в них он вновь вступает в единоборство с Джайлсом и, как и в «Поэме о поэте», выходит из этой борьбы несомненно победителем, продемонстрировав филологически точный и художественно полноценный перевод намного большего, чем у Джайлса, количества повестей. В 1928 г. вышел третий том переводов повестей Ляо Чжая под названием «Странные истории». Каждый том снабжен предисловием, характеризующим писателя и излагающим принципы перевода.

Взгляды В. М. Алексеева на Ляо Чжая нашли свое отражение в двух его работах 1934 г.—

«К истории демократизации китайской старинной литературы» и «Трагедия конфуцианской личности и мандаринской идеологии в новеллах Ляо Чжая». В них В. М. Алексеев раскрывал и социальное значение и конфуцианскую ограниченность Ляо Чжая. В 1937 г. появилась на русском языке и четвертая книга Ляо Чжая «Рассказы о людях необычайных».

По существу В. М. Алексеев впервые в синологии дал подлинно художественный и строго научный перевод произведений старой китайской литературы. Советский читатель узнал китайскую литературу благодаря этим переводам-исследованиям В. М. Алексеева. Они пришли на смену так часто встречавшимся в западноевропейской синологии в лучшем случае унылым слепым подстрочникам, а в худшем — миссионерским подделкам, либо легкомысленным выдумкам, которые, по мнению переводчиков, с меньшей затратой сил воспринимались европейским читателем.

В 1923 г. В. М. Алексеев был избран в члены-корреспонденты, а в 1929 г. в действительные члены Академии наук СССР. К этому времени в Институте востоковедения АН СССР сосредоточилось уже значительное количество вполне сложившихся китаистов — учеников В. М. Алексеева. На повестке дня стоял вопрос о латинизации китайской письменности, и В. М. Алексеев возглавил

специальную комиссию, созданную для этого при институте, и в течение 1931—1933 гг. опубликовал ряд работ, посвященных латинизации: «Предпосылки к латинизации китайской письменности», «Китайская иероглифическая письменность и ее латинизация» и др.

Много статей и рецензий написано В. М. Алексеевым в 30-е годы по самым различным вопросам китаистики. Среди них следует отметить работы, посвященные переводам произведений В. И. Ленина на китайский язык: «В. И. Ленин на китайском языке» (1933), «Принципы переводов сочинений В. И. Ленина на китайский язык» (1935), а также статью «Эволюция и революция китайского языка и китайской литературы, отраженные в революции Октября» (1933).

В последней статье, говоря о старой китайской литературе и иероглифической форме ее выражения, В. М. Алексеев утверждает, что «борьба должна идти не против форм, а против содержания, которое, упразднившись, упразднит вместе с собой и форму». В рецензиях этих лет В. М. Алексеев дал критический обзор многих научных книг на китайском и европейских языках.

В 1940 г. под руководством В. М. Алексеева был выпущен сборник «Китай», в котором ему принадлежит критико-библиографический очерк «Китайская литература».

С ноября 1941 по 1944 г., во время Великой Отечественной войны, В. М. Алексеев жил в Боровом, где чрезвычайно много и продуктивно работал. За это время он целиком перевел антологию танских стихов «Тан ши сюань», составленную литератором XVI в. Ли Пань-луном, а также целый ряд сложнейших литературных произведений разных эпох, помещенных в антологии Сяо Туна «Вэнь сюань» (VI в.) и многих других (Гувэнь чжэнь бао, Гувэнь гуань чжи). На основе этих переводов он написал статьи историко-литературного и исторического характера — «Римлянин Гораций и китаец Лу Цзи о поэтическом мастерстве» (1944), «Теория силы и права в истории, историографии и художественной литературе Китая» (1945), «Отражение борьбы с завоевателями в истории и литературе Китая» (1945), «Песнь моему прямому духу» китайского патриота XIII в. Вэнь Тянь-сяна» (1946) и другие, часть которых была позднее опубликована.

В. М. Алексеев в течение многих лет выступал с докладами в университетской и других аудиториях. Часть этих докладов (сорок три), преимущественно историко-литературного и этнографического характера, нашла свое отражение в «Рефератах научно-исследовательских работ Отделения литературы и языка АН СССР».

По инициативе и при непосредственном, самом активном участии В. М. Алексеева как организатора и докладчика в Ленинграде в послевоенные годы был создан лекторий академиков и членов-корреспондентов АН СССР для популяризации их работ в широкой аудитории.

Выдающийся ученый, интересы которого лежали во многих областях синологии, В. М. Алексеев более чем за сорок лет профессорской деятельности подготовил новые кадры советских китайстов разных специальностей, успешно работающих в науке.

В. М. Алексеев умер 12 мая 1951 г. в возрасте семидесяти лет, не успев опубликовать многие свои исследования и переводы, над которыми трудился до последних дней жизни.

* * *

В. М. Алексеев счастливо сочетал в себе талант ученого и писателя, что дало ему возможность с таким успехом заниматься китайской литературой, требовавшей наряду с исследованием обязательного перевода, так как готовых переводов почти не было.

Мы поместили в издаваемом нами сборнике лишь часть еще неопубликованных переводов В. М. Алексеева, остальное же ждет своего издания.

Сборник переводов открывается двумя поэмами Цюй Юаня (340—278 гг. до н. э.). «Гаданье о жилье» и «Отец-рыбак» в числе прочих поэм великого поэта впервые помещены в антологии Сяо Туна, составленной в VI в. Об этой весьма важной книге, практически определившей границы китайской художественной литературы, В. М. Алексеев говорит в нескольких работах, в частности в статье 1917 г. «Об определении китайской «литературы» и об очередных задачах ее историка».

Вслед за Цюй Юанем в настоящей книге переводов идет Сун Юй (290—223 гг. до н. э.), поэмы которого также относятся к так называемым «Чуским строфам». Сун Юй — единственный из группы поэтов-последователей Цюй Юаня, чьи произведения дошли до нас.

Цюй Юань — первое имя, стоящее в начале огромного множества поэтов, заполняющих историю китайской литературы. Основной темой его великолепной поэзии явилась трагическая судьба самого поэта, стремившегося помочь людям и встретившего непреодолимые препятствия в лице князя и сановников страны Чу, в которой он жил. Отсюда и название «Чуские строфы» для поэзии этого рода, продолженной и после гибели Цюй Юаня, в отчаянии бросившегося в реку. Поэзия Цюй Юаня привлекает силой любви к человеку, восторженным удивлением перед теми радостями,

какие может приносить жизнь, и возмущением ее несовершенством.

Уже творчество этого первого китайского поэта, чье имя сохранила история, содержит в себе многие особенности, общие для произведений классической китайской поэзии, — глубину мысли и гуманизм ее. Так, например, переведенная В. М. Алексеевым поэма Сыма Сян-жу (179—117 гг. до н. э.) «Там, где длинны ворота» повествует о безутешном горе покинутой жены императора У-ди (157—87 гг. до н. э.); написана же эта поэма так, что в ней звучит вообще сострадание к угнетенному судьбой человеку. Недаром же предание говорит о том, что император, потрясенный этим описанием безутешного горя, снова приблизил к себе жену. Поэзия Сыма Сян-жу и по форме своей близка к «Чуским строфам», оказавшим сильнейшее влияние на китайскую поэзию. Жанр, в котором писал Сыма Сян-жу и его современники, носит название «фу». Фу — стихотворения в прозе, иногда рифмованные.

Нам трудно в классической китайской литературе отделить поэзию от прозы, если мы не говорим о философских трактатах древности, или о появившихся позднее стихах «ши», или о народных песнях. Конечно же, исторические сочинения великого Сыма Цяня (145—86 гг. до н. э.) — это проза, насыщенная всеми элементами поэзии

и всегда подчиняющаяся своему внутреннему ритму. Со вниманием ко всем особенностям творчества Сыма Цяня В. М. Алексеев и перевел отдельные повествования из «Исторических записок».

Сыма Цянь в ханьском государстве был придворным историографом, получив эту должность по наследству после смерти отца. Новыми были уже сами его методы собирания материалов для написания истории. Он ездил по местам, хранящим следы исторических событий, знакомился с людьми, через поколения связанными с героями этих событий, искал и находил по крупицам все то, что помогло бы ему в написании истории. Как читатель может увидеть из «Ответа Жэнь Шао-цину», судьба его была трагической. Он осмелился сказать справедливое слово в защиту плененного сюнну полководца Ли Лина, был затем оклеветан перед императором и подвергнут так называемой «дворцовой казни» — осклолению. Лишь мысль о величии труда, предпринятого им, могла дать ему силы для завершения «Исторических записок», охватывающих три тысячелетия от мифического императора Хуан-ди до царствования ханьского У-ди. В дальнейшем китайские династические истории писались по образцу «Исторических записок». Труд Сыма Цяня замечателен и умением автора отделить в истории главное от второстепенного, и глубоким проникновением в сущность и

значение совершавшегося в веках, и художественными достоинствами. Великий историк, оценивая события, дает волю гневу в порицании и радости в одобрении. Его образная история населена характерами, и не даром отдельные повествования, в особенности из раздела «Жизнеописаний» («Лечжуань»), помещены в китайских антологиях как литературные шедевры. «Исторические записки» Сыма Цяня содержат и литературные тексты других писателей, являющиеся первоисточником. Сыма Цяня можно считать не только великим историком, но также родоначальником китайской художественной прозы.

Выше мы упоминали письмо Сыма Цяня «Ответ Жэнь Шао-цину». Эпистолярная форма является полноправной в китайской художественной литературе: подобные письма подчинялись общим законам художественной прозы и рассматриваются в классическом наследии как литературные произведения. Поэтому нами включен в сборник и перевод «Письма Ли Лина в ответ на письмо к нему Су У». Полководец и литератор Ли Лин (ум. в 74 г. до н. э.) сыграл роковую роль в жизни Сыма Цяня. Письмо его (не исключена возможность, что оно подложное), отличающееся литературными достоинствами, по мнению В. М. Алексеева сниженными излишними гиперболами, представляет собою весьма любопытный исторический и челове-

ский документ. Заметим кстати, что само имя Ли Лина связано и с местами нашей Родины: перед Великой Отечественной войной были начаты и после войны закончены раскопки недалеко от г. Абакана, в результате которых обнаружены остатки дворца Ли Лина. В. М. Алексеев сделал перевод китайских надписей на найденных вещах и подтвердил их принадлежность к ханьской эпохе.

Многовековая история китайской литературы знает не один период подъема, рождающий великих мастеров, усилиями которых культура народа получает новое движение вперед, замечательными достижениями которых питается творчество последующих поколений. Таким был Цюй Юань, поэт, надолго определивший направление кигайской поэзии; таким был Сыма Цянь, ученый и писатель, поэтическая проза которого на долгие времена осталась предметом восхищения и подражания.

Однако китайская литература переживала и времена застоя, увлечения формальным украшательством, когда на первый план выступала придворная поэзия лести и прислуживания государям. После падения ханьской империи в начале III в. территория Китая (вплоть до времени объединения его под эгидой династии Сун в 589 г.) представляла собою ряд отдельных государств, то враждовавших между собой, то ненадолго объединявшихся, тревожимых нападениями кочевых пле-

мен, потрясаемых восстаниями крестьян. Время от III по VI в. носит название периода «южных и северных династий»: на севере одна за другой менялись династии северных кочевников — «варваров», на юге после Восточной Цзинь на смену одна другой также пришло несколько династий.

Традиция почитания литературы продолжалась и в эту пору, но официальная поэзия, которой покровительствовали государи, отошла от благородных идеалов Цюй Юаня, Сыма Цяня и, достигнув многого в формальном совершенствовании, увлеклась внешней красотостью. В 365 г., в период господства династии Восточная Цзинь, родился Тао Юань-мин, великий поэт, сыгравший в китайской литературе, по выражению В. М. Алексеева, «роль нашего Пушкина». Благодаря Тао Юань-мину стал возможен небывалый даже для щедрого Китая бурный расцвет поэзии в танскую эпоху (618—907). Поэт резко порвал с чиновными кругами, к которым принадлежал по рождению, и обратился к живой жизни, проповедуя радость труда на земле. В этом было его отличие от отшельников-даосов: он не ушел от людей, а пришел к людям и принес в поэзию быт и слова обыденной, повседневной жизни. Должно было пройти два века, для того чтобы Тао Юань-мин, не оцененный современниками, занял подобающее ему место в упомянутой нами выше антологии Сюань

Туна. В переводе В. М. Алексеева читатель может познакомиться с прекрасной поэтической прозой поэта — его фантазией «Персиковый источник», его поэмой «Домой, к себе», написанной после ухода со службы, и другими произведениями, несущими на себе печать высокого благородства, любви к человеку и искренности.

В китайской литературе неотделимы один от другого человек и писатель, и преклонение перед творчеством поэта предполагает восхищение им как человеком. Ибо китайская литература в ее борьбе и движении в лице величайших своих гениев по-разному в разное время, в зависимости от степени развития общества, ратовала за раскрытие и свободу лучших сторон человеческой личности, за сочувственное отношение к человеку. И начиная с VII в., когда в танском государстве зреет еще невиданная поэзия, среди огромного числа поэтов нет такого, который бы не воспел Тао Юань-мина в своих стихах. Танская поэзия, вбирая в себя вековые традиции, пошла по пути простоты, открытому Тао Юань-мином, и сумела в творчестве своих поэтов выразить богатство и величие народного духа.

Книга переводов В. М. Алексеева, которую мы представляем читателю, названа нами «Китайская классическая проза». Мы дали это название не только потому, что стихи составляют здесь са-

мую малую часть, но также и в связи с тем, что, как мы уже заметили, классическая проза и поэзия очень тесно переплетаются между собою по существу, по форме же бывает и так, что стихотворению, чаще всего танскому, предшествует прозаическое предисловие, по количеству знаков превосходящее основную, стихотворную часть. Такова, например, знаменитая, труднейшая для перевода поэма Ван Бо (647—675) «Во дворце танского князя», произведение, еще не освободившееся от внешних эффектов, свойственных предшествующей поэзии, но уже наполненное свободным дыханием и жизнеутверждающей силой танской эпохи. Прелестное стихотворение в прозе Ли Бо (701—762), поэта необычайной широты и мощи, — «В весеннюю ночь пируем в саду, где персик и слива цветут» было впервые опубликовано на русском языке В. М. Алексеевым в 1911 г. и через тридцать лет переведено снова. «Плач на поле древних сражений» поэта Ли Хуа (ум. в 766 г.) — жалоба на тяготы войны. Возмущение войной и бедствиями, которые она с собою приносит, прославление «тайпин» — величайшего мира — это большая и постоянная тема и литературы китайской и народного искусства. Поэма Ли Хуа воспринимается как непрерывный, все нарастающий крик ужаса и гнева. Ни один из переводов на европейские языки не передает

настроения этой поэмы, лишь слабо пересказывая содержание, перевод же В. М. Алексеева, на наш взгляд, отличается именно большой эмоциональной наполненностью.

Ли Хуа принадлежит к тем писателям танского времени, которые выступили против сковывающего художественную прозу стиля «пьяньли», характерного обязательными параллелями и чередованием фраз по четыре и шесть знаков. Борьба за обновление литературы свое наибольшее отражение получила в прозаическом творчестве выдающихся поэтов и прозаиков Хань Юя (768—824) и Лю Цзун-юаня (773—819). Хань Юй возглавил движение за «возврат к древности», за «гу-вэнь», свободный литературный стиль, не стесненный формальными ограничениями, обязательными для литературы предшествующего танской эпохе периода «шести династий» (IV—VI вв.). Хань Юй был истовым конфуцианцем, горячо и бесстрашно выступавшим против буддизма и даосизма, которые превратились в религию. Он возмущался паразитическим существованием монастырей, увеличивавшим народные тяготы. Его дважды ссылали за протест против буддизма и за обличение системы так называемых дворцовых закупок — насильственного изъятия производимых населением продуктов за ничтожную цену.

Пропаганда Хань Юем конфуцианского «пути» в то время, когда, начиная с феодальных верхов, вся обширная страна была в той или иной степени заражена буддизмом, требовала живого слова, и поискам его поэт отдал весь свой огромный талант, безудержный темперамент, какого литература не знала со времен Ли Бо, и привлек прекрасные достижения старины. В передовой статье газеты «Жэньминь жибао» от 6 июня 1951 г. перечисляются создатели китайского литературного языка, произведения которых — «сокровищница, хранящая китайский язык многих веков». Это — Мэн-цзы, Чжуан-цзы, Сюнь-цзы, Сыма Цянь, Хань Юй. Проповедуя конфуцианский «путь», поддерживая ортодоксальную конфуцианскую идеологию, Хань Юй призывал учиться у древних мастеров, учиться содержанию их произведений, а не просто словам их. В число этих древних образцов, по мысли Хань Юя, входили не только Конфуций и Мэн-цзы, но и другие, позднейшие, а среди них великий Сыма Цянь и три мудреца Восточной Хань (25—220): философ-материалист Ван Чун (27—200), Ван Фу (76—157), Чжунчжан Тун (180—220), с одним из произведений которого читатель данного сборника имеет возможность познакомиться.

Философская проза Хань Юя и была подтверждением его взглядов на литературу. К Хань Юю особенно применимо замечание Пушкина о том,

что дела поэта — его слова. Несмотря на то, что реформа, провозглашенная Хань Юем, носила ограничительный характер, возвращая к древней циньской и ханьской прозе, все же в произведениях Хань Юя на смену закостенелым формам «шести династий» пришел язык диалога, язык современности. Именно так понимал поэт возвращение к древности Мэн-цзы, Сыма Цяня — древность как символ современности, как следование в литературе требованиям живой жизни. Освобождаясь от мертвых штампов, проза Хань Юя и его последователей сохраняла параллели и противопоставления, всегда присущие китайской литературе, не отказывалась от литературных реминисценций. Хань Юй доказал также, что литературное произведение может сохранять определенный ритм и без обязательного прежде чередования четырех и шести знаков, при свободной фразе, содержащей самое разное число иероглифов.

В своих сочинениях Хань Юй не поднялся выше мысли о том, что весь порядок земной предопределен, но нельзя не заметить его большое внимание к человеку, его возмущение несправедливостью; это ставит его в один ряд с теми великими предшественниками, которых он выдвигал как образец для литераторов танской эпохи.

В движении за «гуйвань» рядом с Хань Юем стоит Лю Цзун-юань, поэт, может быть, меньшей

яркости, но имеющий свои особенности и преимущества. Философские воззрения этих соратников и друзей, их взгляды на порядок вещей в мире были различны. Лю Цзун-юаня отличает материалистическое, критическое мышление. Он отвергал значение всемогущего слова мудреца в создании человеческого общества, прямо выражал свое неверие в мифы и доходил до понимания борьбы в недрах этого общества. Эти взгляды нашли свое отражение в обличительных баснях-аллегориях, в сочинениях о чиновниках-лихонмцах, которые, как утверждает поэт, должны чувствовать себя слугами у народа. Проза Лю Цзун-юаня прекрасна — точна и прозрачна. Он выдающийся мастер пейзажа, живой природы даже в китайской литературе, издавна славящейся этим искусством.

Философская художественная проза, поднявшаяся на такую высоту в танскую эпоху, не останавливается в своем дальнейшем развитии. Ученый-литератор Мао Кунь (1512—1601) издал антологию под названием «Сочинения восьми танских и сунских великих», в которую включил известных нам Хань Юя и Лю Цзун-юаня, а вслед за ними поэтов сунской эпохи Оуян Сю, трех Су (Су Сюня и двух его сыновей Су Ши и Су Чэ), Цзэн Гу, Ван Ань-ши. С тех пор в истории китайской культуры эти поэты известны под именем «восьми великих».

С Оуян Сю (1007—1072) возникает следующая волна движения за «гувэнь». Слишком глубокие корни в литературе оставили формалистические сочинения «шести династий», чтобы Оуян Сю был лишь последователем Хань Юя. Своими талантливыми сочинениями он боролся с рутинной, и его гуманное творчество внесло новую струю свежести в китайскую эссеистическую литературу. Поэт и прозаик Ван Ань-ши (1021—1086) известен как выдающийся государственный деятель, глава группы реформаторов, стремившейся к обновлению страны, к уменьшению того бремени, которое несло крестьянство. Его проза, выражающая эти взгляды, отличается простотой, лаконичностью, строгостью композиции.

Все эти писатели, а среди них и не принадлежащий к «восьми великим», но по праву включенный в сборник переводов Чжоу Дунь-и (1017—1073), были политиками в уже более сложном по классовым отношениям, нежели танское, сунском государстве, были блестящими мыслителями, спорившими между собою, что и нашло отражение в их замечательных поэтических и прозаических сочинениях. Два поколения семьи Су подарили Китаю двух выдающихся и одного поистине великого писателя — Су Ши (1036—1101). Су Ши рос в годы спокойствия и процветания сунской империи. На него и на младшего его брата

Су Чэ (1039—1112) большое влияние, как художник, оказал Оуян Сю. Воспитание Су Ши проходило под руководством его отца, конфуцианского писателя Су Сюня (1009—1065), — консерватора и противника реформ Ван Ань-ши. В статье «Утопический монизм и «китайские церемонии» в трактатах Су Сюня» В. М. Алексеев дал весьма интересный анализ философских взглядов и литературного творчества Су Сюня. Как и отец, Су Ши возражал против реформ Ван Ань-ши, но его консервативная позиция не должна повлиять на оценку, какой по справедливости заслуживают его произведения, да и вся его практическая деятельность сановника сунской империи в тех местах, куда его ссылали. Одним из таких мест был остров Хайнань. Личные несчастья не сломили Су Ши: стихи и проза его поражают своей жизнерадостностью, глубокой верой в человеческие возможности.

Продолжая в литературе прогрессивную линию Хань Юя и своего старшего современника и учителя Оуян Сю, Су Ши, в отличие от Хань Юя, требовавшего, чтобы сочинение писателя прежде всего было «носителем дао», декларировал необходимость изящества в слове, сравнивал литературу с «чистейшим золотом, прелестнейшим нефритом». Он писал о себе: «Моя проза, словно многоводный источник, не выбирая места, вырывается из земли и несется туда, куда ей надлежит

нестись, и останавливается там, где нельзя не остановиться». Подобный взгляд Су Ши понятен, так как он уже готовыми получил достижения танских писателей и Оуян Сю и в своих требованиях мог идти дальше.

Поэт и прозаик, каллиграф и художник — Су Ши в поэзии расширил узко лирическое содержание «цзы» (стихов, пишущихся на определенную мелодию) конца танской эпохи и времени «пяти династий», углубил народную тему в классическом жанре «ши» (пятисловных и семисловных стихах) и таким образом определил направление поэзии Южных Сунов (1127—1279). В прозе Су Ши осуществил возможности, открытые движением за «гувань», в своих сочинениях сочетав силу мысли и огромную эрудицию с яркой образностью, непосредственностью художественного восприятия мира. Консервативная позиция Су Ши по отношению к реформам Ван Ань-ши отнюдь не означала, что поэт враждебен народу: он был полон негодования к несправедливости, царившей в стране. Это нашло свое отражение и в поэзии и в философской прозе, наполненной размышлениями о могуществе человеческого разума, о зависимости человеческих поступков от действительности. Стоит задуматься хотя бы над помещенными в данном сборнике сочинениями «Нечто о посевах» или «Гора с каменным колоколом».

Эта сравнительно небольшая книга переводов академика В. М. Алексеева охватывает образцы китайской эссеистической литературы от IV в. до н. э. до XIV в., представителем которого здесь является Лю Цзи (1311—1375) с его знаменитой сатирой «Что говорил продавец апельсинов». Огромный во времени и в пространстве феодальный Китай во всем разнообразии, во всех видоизменениях феодальной формации на протяжении этих восемнадцати веков создал великую литературу, в которой нашел свое выражение гений китайского народа — мудрость его и поэтичность. Литература эта знала подъемы, когда голоса поэтов звучали по всей стране и далеко за ее пределами, знала и спады, когда поэзия билась в теньках придворного служения, но особенность развития китайской литературы феодального периода в том, что она не испытала мрачного средневековья Европы, жестокого насилия религии над человеческой личностью, и вера в человека, жизнь во имя человека, слово в защиту народа были главным ее содержанием. Мы можем это увидеть, читая представленных здесь поэтов разных времен, по-разному (потому что неодинаковым было общество, в котором они жили), но всегда с большой реалистической силой отражавших действительность, размышлявших над ней и неизменно призывавших к справедливости.

Для нас весьма важна эта главная линия китайской классической литературы, но может она быть выявлена для читателя не китайца только при помощи подлинно художественного и в то же время научного перевода, который способен вызвать безусловное доверие к себе. Мы думаем, что именно такими являются переводы В. М. Алексеева. В этих филологических точных, улавливающих многие тонкости китайского текста, талантливых работах художника есть присущие переводчику особенности, с которыми не всегда можно согласиться. Это европеизация терминов, переносщая нас в иное общество и в иную эпоху, это иногда нарочитая утяжеленность фразы, порой редко употребляемое слово. Может быть, В. М. Алексеев, если бы он сам готовил свою книгу к печати, согласился бы с возражениями своих критиков, но, к сожалению, переводчика уже нет среди нас, и мы можем лишь ограничиться замечанием по этому поводу.

В. М. Алексеев при исследовании китайского художественного текста придавал огромное значение переводу. Он писал об этом и в книге «Поэма о поэте», и в статье «Об определении китайской «литературы» и об очередных задачах ее историка», и во многих других, более поздних работах. Приведем его высказывание от имени всех советских исследователей китайской литера-

туры, помещенное в № 11 «Вестника Академии наук СССР» за 1947 г.: «Относясь к китайской литературе как наследию тысячелетий, изощривших ее до тонкостей, редко кем улавливаемых как в оригинале, так и особенно в переводе, мы взяли на себя задачу, идущую по краю пропасти, отделяющей, как правило, оригинал от перевода. Вдохновленные советским учением о национальной культуре, рождающим самое бережное к ней отношение, мы уже не можем вернуться к простой информации, основанной на неуклюжих, близких к издательству переводах».

Переводы В. М. Алексеева в свое время явились новым словом в мировой синологии. Ученый не остановился на достигнутом, не удовлетворился ранее сделанным и в упоминавшейся нами работе о Су Сюне, прилагая перевод нескольких его эссе, писал: «Эта статья была совершенно готова к началу войны (т. е. к июню 1941 г.), и переводы эссе в том виде, в каком они представлены здесь, мне тогда казались единственно возможными. Однако теперь (июль 1945 г.) я считаю их подлежащими замене ритмическими, и в следующей их версии (в антологии или в статье, как-нибудь объединяющей творчество Су Сюня) я намерен это осуществить, невзирая на трудности подобного предприятия, о которых я сам говорю в этой статье».

Здесь собраны переводы, сделанные В. М. Алексеевым в годы Великой Отечественной войны уже на новой основе, с попыткой передать трудный, меняющийся ритм оригинала. Мы включили сюда и измененные переводы Ли Бо и Оуян Сю, свидетельствующие о стремлении переводчика к постоянному совершенствованию. Подготовка к изданию проводилась со всей возможной бережностью, и переводы, как правило, публикуются в том виде, в каком они оставлены В. М. Алексеевым после перепечатки им рукописного экземпляра.

С выходом в свет настоящего сборника читатель познакомится в достоверном научном и художественном переводе с китайской классической ритмизованной прозой, занимающей весьма важное место в истории китайской литературы.

Л. Эйдлин

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Китайская классическая проза

Цюй Юань	
Гаданье о жилье	39
Отец-рыбак	42
Сун Юй	
Сун Юй отвечает чускому князю на вопрос	44
Ветер	46
Горы высокие Тан	50
Святая фея	59
Дэнтэ сладострастник	66
Сыма Сян-жу	
Там, где длинны ворота	71
Ханьский У-ди	
Осенний ветер	77
Сыма Цянь	
Ответ Жэнь Шао-цину	79
Предисловие графа великого астролога к своей истории Китая	98
Отдельное повествование о скользких говорунах	107

384

Предисловие к отдельному повествованию о жестоких правителях	112
Отдельное повествование о Цюй Юане	114
Отдельное повествование о Бо И	124
Предисловие к главе «Родовая внешняя знать»	130
Славословие к главе о Конфуции в книге «Родовитой знати»	132
Послесловие к основной истории пяти монархов	133
Послесловие к главе о Сян Юе в «Основной истории»	135
Помесячные таблицы событий, развивавшихся в промежутке между Цинь и Чу	137
Погодные таблицы отмеченных за заслуги высоким предком деятелей и маркизов	140
Отдельное повествование о Гуане и Яне	143
Предисловие к отдельному повествованию о странствующих рыцарях	151
Ли Лин	
Письмо Ли Лина в ответ на письмо к нему	
Су У	156
Ван Си-чжи	
Мы в павильоне орхидей	167
Чжунчан Тун	
О довольной душе	170
Тао Юань-мин	
Персиковый источник	172
Домой, к себе	175
Жизнь ученого «пяти ив»	178
Запрет на любовь	180
Се Чжуан	
Лунная поэма	187

385

Ван Бо	
Во дворце тэнского князя	194
Ли Бо	
В весеннюю ночь пируем в саду, где персик и слива цветут	201
Лю Юй-Си	
Дому убогому надпись моя	203
Ли Хуа	
Плач на древнем поле сражений	204
Хань Юй	
Из «разных учений»	210
Как толковать слова «поймали линия»	212
Молитвенное и жертвенное обращение к кро- кодилу	214
Как он вошел в свой класс	218
Надпись на могильном камне Лю Цзы-хоу . . .	226
Лю Цзун-юань	
Садовник Го-Верблюд	234
Я провожаю Сюе Цунь-и	238
Просмотр и пересмотр суждения о том, как он листочком туна пожаловал в князя сво- его брата	240
Нечто об охотнике за змеями	243
Рассказ о плотнике	247
Надпись у нового зала сановника нашего Вэя в Юнчжоу	256
О холмике, что к западу лежит от пруда мо- его — утюга	260
О горке каменных стен	263
Предисловье к моим же стихам «У потока Глупца»	265
Памятник Цзи Цзы, князю Цзи	269

Возражение по поводу приговора о личной мести	272
В письме поздравляю кандидата на должность Ван Цань-юаня с пожаром	278
Надпись на камне о трех беседках в Линлине	283
Письмо к Хань Юю на тему об историографе	288
О восточном холме у храма Драконовых взле- тов в Юнчжоу	295
Оуян Сю	
Голос осени	298
В беседке пьяного старца	302
Су Сюнь	
О том, как я дал имена своим двум сыновьям.	305
Чжоу Дунь-и	
О любви к лотосу	306
Ван Ань-ши	
Статья о людях, единых в науке	308
Су Ши	
Нечто о посевах	311
Красная стена. Ода первая	314
Красная стена. Ода вторая	318
В моей беседке человека, осчастливленного дождем	321
Гора с каменным колоколом	324
Лю Цзи	
Что говорил продавец апельсинов	328

Приложения

В. М. Алексеев. Примечание к «Лунной поэме» .	333
Л. З. Эйслин. Комментарии	340

Василий Михайлович Алексеев
Переводы китайской
классической прозы

•
Утверждено к печати
Институтом китайоведения
Академии наук СССР

•
Редактор издательства *Л. Д. Гришелева*
Технический редактор *Е. В. Зеленкова*
Оформление художника *М. Ф. Ольшевского*
Художественный редактор *В. В. Ашмаров*

РИСО №30–8В. Сдано в набор 4/VII 1958 г.
Подписано к печати 15/XI 1958 г. Формат
84×108¹/₁₆. Печ. л. 12,125–18,45 усл. л.+1вкл.
Уч.-изд. л. 10,8. Т-11453. Тираж 3500. Изд.
№ 1891. Тип. зак. № 787

Цена 8 р. 60 к.

Издательство АН СССР.
Москва Б-64. Подсосенский пер., 21

Типография Издательства АН СССР.
Москва, Г-99, Щубинский пер., 10